

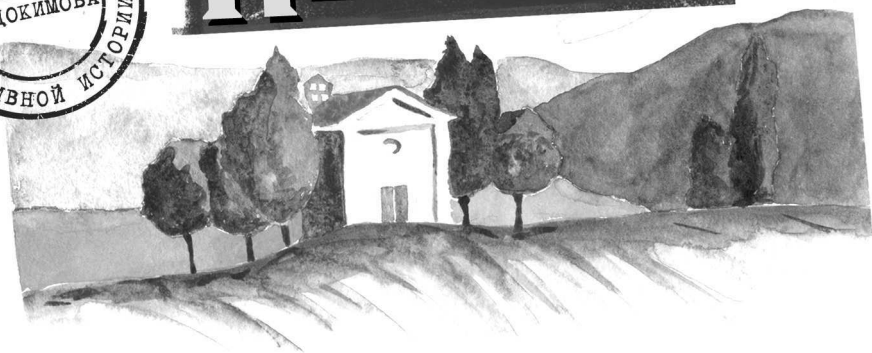

ЮЛИЯ ЕВДОКИМОВА

Убийство
со вкусом

КЪЯНТИ

ХЛЕБ*СОЛЬ

Москва 2021

УБИЙСТВО
СО ВКУСОМ
КЪЯНТИ

1

Утро выдалось прохладным. Густой туман, который нередко накрывает городок после полуночи, нехотя уплывал за дальние холмы. Он сдавал свои позиции не сразу, цеплялся за зубчатую стену замка, за колокольню, надолго задержался в ложине, накрыв теплой белой пеленой оливковую рощу. Но солнце поднималось все выше, и лучи его очищали горизонт. Сначала из тумана показались домики на возвышенностях, потом на дальней горе засияли башни средневекового города Сан-Джиминьяно.

Погода радовала, и Альберто решил, что прогуляться по полям сегодня ничто не помешает. Отвыкшая от дальних прогулок его лохматая собака Раффа, забыв о почтенном возрасте, радостно носилась по холмам и пригоркам, лаяла, подпрыгивала на бегу, только лохматые уши развевались по ветру.

Собаку породы лаготто романьоло Альберто купил десять лет назад, выйдя на пенсию. Он надеялся, что вырастет настоящий охотник за трюфелями, как и все собаки этой породы, но Раффа оказалась на редкость не пригодной к поиску драгоценных грибов. Видимо, и собаке нужен талант!

Что оставалось делать? Понемногу Альберто научился получать удовольствие от прогулок по сельским дорогам, без собаки он бы дальше соседнего бара и не

уходил, так что польза от приобретения Раффы была несомненная.

Обычно в это время уже стоит жара, и Альберто старался в такие дни не уходить далеко от дома. Но в этот раз всю ночь лил дождь и утром прохлада сохранилась. Удовольствие, а не прогулка!

Он обернулся: вдали над рощами акаций и олеандров возвышались башни старинного города Кастельмонте. «Однако далеко мы сегодня зашли, — подумал старик. — Ну, ничего. За пригорком сейчас покажется ферма семейства Мадзони, там и повернем обратно. А может, пройдем еще немного, до ручья. Ручей испокон веков звали именем святой Агаты, говорили, что попив его воды, можно излечиться от многих болезней». — Старик свистнул Раффе, но собака замерла у небольшого каменного возвышения. За рукотворным барьером из валунов на пути оползней серебрились еще влажные от ночного дождя оливковые деревья.

— Раффа, девочка, ко мне! Домой! Нам пора.

Но псина не откликнулась, принюхиваясь к чему-то, а потом, перемахнув через невысокий каменный бордюр, исчезла за деревьями и вдруг завывала, протяжно и, казалось, испуганно.

— Да что ж это такое с тобой сегодня? — Альберто, кряхтя, перелез через каменный вал и остановился: среди серебра оливковых деревьев яркими вспышками горели маки. Чуть дальше трава казалась совсем красной от макового ковра, лишь в одном месте ветер шевелил длинные золотистые стебли сухой травы.

Старик присмотрелся. Ни к месту там был сушняк, что ж, совсем рощу хозяин забросил? Он достал из кармана очки и долго не мог открыть футляр, а потом

пристроить очки на носу — дрожали руки. Больше всего Альберто хотелось уйти и забыть то, что он увидел под старой раскидистой оливой.

Нацепив, наконец, очки и убедившись, что страшная картина не померещилась, он пожевал губами, тяжело вздохнул, взял собаку на поводок и медленно побрел в город. Раффа сначала упиралась и скулила, но за поворотом привычно потрусил рядом с хозяином.

С трудом, годы ведь уже не те, поднявшись по дорожке, вьющейся у крепостной стены, Альберто отдышался, толкнул дверь маленького бара сразу за средневековыми каменными воротами в город и, не поздоровавшись, попросил рюмку граппы.

— А не рано? — удивился бармен.

Старик молча выпил, вздохнул:

— Звони 113, в полицию. В роще у Пьеро Мадзони, ну ты знаешь, за поворотом, женщина лежит мертвая...

2

А лиса с трудом сфокусировалась на дисплее телефона: опять проспала! Сколько раз обещала себе не сидеть в сети до утра и снова легла в пять. Наверное, надо отменить занятие, студенты будут только рады.

И в зеркало лучше не смотреться... снова синяки под глазами, опухшее лицо. Ну, ничего, скоро можно будет отдохнуть и забыть обо всем хотя бы на пару недель. Неужели опять все сорвется? За последние годы желание уехать в Италию превратилось в манию, но мечта не приближалась ни на шаг. Все знакомства заканчивались очередным разочарованием.

Почему так получается? Человек, который тебе понравился, через пару встреч вдруг теряет интерес и меняется на глазах. Где тот поток нежных слов и заверений в чувствах, которые еще недавно лились рекой? Пройдет пара недель, и вчерашний восторженный поклонник даже в сети не появляется, а все так хорошо начиналось!

Но обиднее всего, что и тот недомерок, на которого она потратила целую неделю, показывая Москву и изображая страстные порывы, тоже не показывается или сразу ссылается на занятость. Уж он-то что

о себе возомнил? Да там без слез не взглянешь, а туда же... «Привет, как дела, ну, я пошел, некогда...»

Девушка старалась не вспоминать, сколько денег она потратила на поездку в Москву, хорошо хоть этот урод оплатил гостиницу.

Алиса, потягиваясь, вышла в кухню, поставила чайник, бросила в чашку пакетик зеленого чая и включила ноутбук.

Письмо от Джузеппе сразу же бросилось в глаза, как всегда одно и то же:

«Дорогая, сегодня всю ночь я чувствовал тебя рядом, я не могу дождаться нашей встречи. Ты разбудила во мне чувства, которые давно уснули».

Единственный, кто пригласил в Италию, еще и жилье оплачивает, мужик вроде и в самом деле ничего! Бог с ним, с возрастом, на фото он выглядит замечательно. Элегантен, эдакий богемный шик. Главное, не получить в реальности трясущегося похотливого старикашку... а вдруг у него изо рта пахнет, или он не моется неделями? Тьфу, лезет же в голову всякая гадость! Итальянцы всегда следят за собой, «белла фигура», национальная черта, доходящая до абсурда, как бы плохо ни шли твои дела, ты всегда должен делать вид, что все идеально, и пусть у тебя единственный приличный костюм, но именно его ты наденешь на вечернюю «пасседжату» по центру города.

А Джузеппе не рядовой итальянец, он известный архитектор и работает по всему миру, и денег вроде куры не клюют. Может, это все-таки шанс?

Задумавшись, девушка не заметила, как прошло время, пора на работу, чай пить некогда, а студентам сегодня не повезет, урок состоится.

Алисе всегда нравился итальянский язык, именно его она выбрала в университете, потом окончила пару курсов и, наконец, впервые попала в Италию.

За недельную поездку все смешалось, города, люди, виды. После такого тура еще неделю надо было отсыпаться, но осталось ощущение чего-то невероятно прекрасного, такого, чего просто не может быть в реальной жизни: старые города, запах кофе, умопомрачительные мужчины... и тот, один из всех, встреченный на римской площади Кампо деи Фьори.

— Вы не подскажете, как пройти...

— Конечно! С удовольствием, — он подробно рассказал, куда ей надо свернуть, поинтересовался, откуда приехала прекрасная синьорина, а прощаясь, вручил визитку:

— Если вам станет скучно в Риме, или вы снова потеряетесь...

Тем же вечером, еле выждав хотя бы минимально приличное время, Алиса набрала номер на визитке. Новый знакомый был рад звонку.

А дальше все было банально-прекрасно. Словно героиня мелодрам, сто раз пересмотренных до поездки, она пила кофе на террасе старого отеля с видом на все крыши, соборы и колокольни Рима... она целовалась с новым знакомым у фонтана Треви, в толпе таких же, как она, романтиков, темная вода вспыхивала фейерверками в свете ночных прожекторов.

Были проводы в аэропорту, со слезами с обеих сторон и клятвенными заверениями:

— Через месяц у меня отпуск, я приеду в Россию, а потом зимой мы поедem в Вену, будем слушать оперу, кататься на лошадях...

Алиса вернулась с ощущением восторга и счастья в душе. Впервые за свои 25 лет жизни она оказалась героиней сказки, тех романов, которыми так зачитывалась: прекрасный римлянин и не менее прекрасное будущее.

Но сообщения на телефон со временем приходили все реже, звонки прекратились, почтовый ящик был пуст. Сначала он оправдывался работой, потом — проблемами с родственниками, потом совсем пропал. Алиса ночами рыдала над римскими фотографиями и забывала его имя во всевозможные поисковики и социальные сети.

А потом она поехала в Венецию, город, который когда-то ей сильно не понравился. Она подумать не могла, что вернется, потому что в душе окончательно и бесповоротно царил Рим. Но появилась возможность подтянуть итальянский язык, да еще и на курсах в солидном университете, и Алиса без колебаний отправилась в город каналов...

Конечно, она уехала оттуда в Рим, в первые же выходные... Она доехала от вокзала до Кампо деи Фьори, села за столиком того самого кафе, где впервые увидела Его, и отправила сообщение:

— Чао, тезоро, я в Риме!

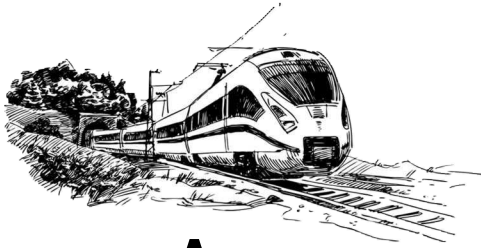
Ответа не последовало...

Вернувшись в Венецию, Алиса заставила себя забыть о Риме. Она училась, вечерами гуляла по узким улочкам, слушала переключку оркестров на Пьяцца Сан-Марко и проникалась невероятным обаянием Венеции. Домой она вернулась другим человеком: Рим и герой романа были забыты. Теперь она любила Венецию и больше всего на свете хотела жить в Италии...

Так появились чаты, социальные сети, вот только службы знакомств Алиса не признавала, считала это унижением и предпочитала как бы случайно знакомиться в интернете:

— Привет, как дела? А я преподаю итальянский, хочу попрактиковаться...

Как там говорят, чтобы найти одного принца, надо перецеловать тысячу жаб? Алисины жабы перевалили за вторую сотню, но вот, наконец, в сети попалась неплохая рыбка...

3

Александра подпрыгивала на месте, уже не хватало терпения ждать. Она купила билет в вокзальном автомате, присела на чемодан у какого-то рекламного щита так, чтобы видно было табло отправлений. Поезд на Сиену уходил через 30 минут, оставалось чуть-чуть потерпеть.

Как обычно, на флорентийском вокзале Санта-Мария-Новелла в сумасшедшем ритме носились студенты, бизнесмены, туристы, монахини...

На табло загорелся новый огонек. В двух шагах от того места, где она сидела, отправлялся поезд на Ливорно, мелькали на табло станции — Ластра Синья, Эмполи... как она не заметила раньше, это же подходящий поезд! Девушка вскочила с места и, волоча за собой чемодан, влетела в вагон.

Мест свободных не было. С трудом протиснувшись в тамбур, она, как и на вокзале, присела на чемодан, зацепившись за ручку двери, чтобы не упасть при толчках и поворотах. Сердце выстукивало 120 ударов в минуту, голова кружилась. Задержка перелета, потом два дня работы с утра и до вечера и две ночи практически без сна — акклиматизация, что ли, называется? — давали о себе знать.

«Ну, потерпи еще чуть-чуть, совсем ведь немного осталось», — уговаривала она себя, одной рукой дер-